

ТАРКОВСКИЙ

#4

ГАЗЕТА IX МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ ИМ. АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО «ЗЕРКАЛО»

12 июня 2015

Павел Лунгин и Мария Миронова на встрече со зрителями

ГЛАВНОЕ

СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

ПРЕЗИДЕНТ ФЕСТИВАЛЯ ПАВЕЛ ЛУНГИН ДАЛ ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ТАРКОВСКИЙ»

— Иваново как-то изменилось за те годы, что вы проводите «Зеркало»? Удалось ли воспитать, взрастить аудиторию для фестиваля?

— Изменения в аудитории — это как раз самый большой положительный сдвиг, который мы за эти годы осуществили.

Иваново в какой-то момент прорвало — люди стали ходить, смотреть

ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО СВОДИТСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ЩЕКОТАЛИ И РАЗВЛЕКАЛИ

и, главное, очень хотят оставаться после показов и кино обсуждать. Великий немой заговорил. Теперь мы даже оставляем после каждого сеанса час на обсуждение зрителями увиденного. Это бывает очень живо — люди хотят говорить, хотят обсуждать даже сложные документальные фильмы. Иваново, вообще, студенческий город, здесь огромное количество университетов — и для молодежи мы сделали специальную секцию видеoarта, став единственным фестивалем с такой программой в России, кроме московского МКФ.

— Насколько важна для фестиваля ставка именно на авторское, часто сложное для восприятия кино? Тем более что до зрителя в провинции оно чаще всего самостоятельно просто не добирается.

— Мне кажется, что это для нас самое главное — как и, наверное, для всех фестивалей театра, музыки, книг, поэзии, кино. Поэтому же фестивали сейчас так быстро распространяются и растут — и в Европе, да и у нас тоже. Это, наверное, важнейшая наша функция — показывать, что потребление необязательно сводится к тому, чтобы тебя щекотали и развлекали. Когда ты думаешь, чувствуешь, когда ты пытаешься что-то пережить, — это тоже способ проведения жизни и своего времени, который, более того, может стать смыслом жизни и ее целью. Я вообще считаю, что одна из главных целей современного общества — это нахождение смысла. Главная же роль и функция такого сложного искусства, как кино, — это выведение людей на разные дороги к новым смыслам. Кстати, это доказывает и опыт телевизионных сериалов, которые из примитивно-элементарных стали вдруг сложными, с какими-то ненормативными, двойственными героями, неясными, неочевидными образами, многоплановыми конфликтами. И теперь

эти сериалы имеют успех — а главное, люди этого хотят. Они живут в сложном, полном проблем мире, и простые, элементарные решения уже не подходят. Они хотят сложного разговора — просто надо показать им, что разговор на таком уровне в принципе возможен. И в Иваново мы как раз в этом убедились.

— Появление на карте фестиваля Плёса — это же тоже в некотором роде расширение тех переживаний, которые фестиваль может дать своим гостям и зрителям.

— Да, вы абсолютно правы. Плёс появился в нашей географии, когда фестиваль еще искал свое место, ходил по Ивановской области — и именно здесь он в итоге осел. Мне вообще кажется, что для провинциальной жизни и провинциальных городов фестивали — это в некотором роде спасение, за ними будущее. Я в свое время был поражен во Франции обилием фестивалей в небольших провинциальных городках — которые при этом ими гордятся и сами их вытягивают. Плёс же это особенное место со своей мифологией, со своим очарованием. И потом Плёс по образам своим необыкновенно созвучен лентам Тарковского, его мироощущение в детстве формировалось именно в этих местах.

— Авторского и независимого кино в последние годы снимается даже больше, чем раньше — за счет упрощения механизмов съемки и большей доступности аппаратуры. Выбор фильмов для фестиваля теперь, наверное, совсем неподъемная задача.

— Ну, я считаю, что действительно хорошего кино всегда не так уж много. Крупные фестивали как раз и показывают, что когда из тысяч и тысяч фильмов отбирают двадцать, а из этих двадцати только четыре и пять картин действительно открывают что-то новое. Талант — это всегда редкое сочетание времени, характера и ситуации. Конечно, всегда есть какие-то открытия, но вообще мне кажется, что пропорционально хорошего кино столько же, сколько и всегда. Для «Зеркала» Андрей Плахов, который бывает везде и всё отсматривает, выбирает такие фильмы, которые принципиально обозначают новые тенденции. Ведь самое интересное — это находить новые изменения в языке кино, который постоянно развивается и который все время трансформируется. ■

СЕГОДНЯ В ИВАНОВО В КИНОТЕАТРЕ «ЛОДЗЬ» БУДУТ ПОКАЗАНЫ ЧЕТЫРЕ КОНКУРСНЫХ КАРТИНЫ: «ПОЧЕМУ Я?» ТУДОРА ДЖУРДЖУ, «КОЗА» ИВАНА ОСТРОХОВСКОГО, «ЧИТАЙ, ЧИТАЙ» ЕВГЕНИЯ КОРЯКОВСКОГО И «РАЙСКИЙ УГОЛОК» МЯОЯНЬ ЧЖАНА

БЕРЕГА ЗЛА

МЯОЯНЬ ЧЖАН ПОКАЗЫВАЕТ ТАКОЙ КИТАЙ, КАКОЙ НЕЛЬЗЯ ПОКАЗЫВАТЬ В САМОМ КИТАЕ

— Чем вдохновлен сюжет «Райского уголка»? Лежат ли в его основе какие-то невымышленные истории или новости?

— Весь фильм основан на реальных событиях — о чем-то я узнал от знакомых, что-то прочитал в новостях. Так или иначе, все, что происходит с героем, было на самом деле, хотя и с разными людьми. Вообще, правда в том, что текущая ситуация в Китае даже намного хуже, чем то, что вошло в мою картину.

— То есть все это правда — и рабский детский труд, и детские воровские банды, наркотики, проституция?

— К сожалению. Китай за последние пару десятилетий пережил слишком резкие, часто чудовищные перемены.

Да, в стране появились новые богачи — но с ними же в наше общество пришли и новые, современные проблемы: от загрязнения окружающей среды до беспросветной, отчаянной нищеты.

— И при этом ваш очень мрачный фильм называется «Райский уголок». Больше похоже на ад.

— На самом деле название вдохновлено ключевой сценой, которая разворачивается ближе к финалу фильма, — в ней отчаявшийся юный герой размышляет о том, совершать ли самоубийство. И его последнее желание — увидеть небеса прежде, чем решиться. Или отказаться.

— Какое значение для фильма имеет Хуанхэ, на берегах которой разворачивается

большая часть действия? Это же, в сущности, отдельный, самостоятельный персонаж.

— Так и есть — и меня, выросшего не на Хуанхэ, а в Маньчжурии, всегда эта река с ее мутными, таинственными водами завораживала. Вся китайская история и культура вертятся вокруг нее, не зря ее называют рекой-матерью китайского народа. Впрочем, матери не всегда бывают добрыми — и на берегах Хуанхэ творилось и творится немало зла.

— У вашего фильма очень выразительное визуальное решение. Что и кто повлияли на ваш режиссерский стиль?

— Я всегда любил черно-белые фильмы — и это при том, что начинал с живописи, писал маслом. Но, чтобы точно выразить свои мысли и чувства, мне оказались не очень-то и нужны все те цвета, которые я использовал в своих картинах, представляете? (смеется) А вдохновленные реальными событиями сюжеты дают мне больше стилистической свободы — они сами по себе делают фильмы ближе к реальности. Так что мой стиль — всего лишь отражение моих собственных вкусов и предпочтений в кино. Когда я учился живописи в университете Беркли, у меня, кстати, была возможность смотреть много хорошего

русского кино — особенно меня потрясли «Андрей Рублев» Андрея Тарковского, «Я — Куба» Михаила Калатозова, «Мать и сын» Александра Сокурова. Это были именно те классики, мастера кино, которые и вдохновили меня на то, чтобы самому взяться за режиссуру.

ПРОБЛЕМЫ С ВЛАСТЯМИ НАЧАЛИСЬ УЖЕ НА ВТОРОЙ ДЕНЬ СЪЕМОК

— Ваши актеры же непрофессионалы?

— Да, никто из профессиональных детей-актеров не мог участвовать в работе над картиной. Поэтому я работал с простыми школьниками — актер, сыгравший главную роль, Синьцзян Го, был единственным, кто мог работать каждый день. Сцены с остальными детьми мы снимали на выходных, когда школа закрыта. Добавило проблем и то, что в школе, ученики которой у нас играли, во время съемок случилась трагедия — из-за размыва почвы обрушилось одно из зданий. Погиб молодой учитель, несколько детей были ранены.

— Учитывая необычный стиль и жесткие, реалистичные темы, насколько трудно было запустить фильм и довести работу над ним до конца?

— Процесс работы над «Райским уголком» получился невероятно сложным и изнурительным — и душевно, и физически, и финансово. Было нелегко найти подходящих актеров и локации. А проблемы с властями начались уже на второй день съемок — местная администрация пыталась все сорвать, и это значительно усложнило нам жизнь. Пришлось даже на время остановить работу.

— Вообще, насколько сложно приходится независимому режиссеру в современном Китае? Успех ваших предыдущих фильмов никак не облегчил вам жизнь?

— Да, снимать независимое кино там сложнее с каждым годом. К счастью, мои первые фильмы «Сяолинь Сяоли» и «Черная кровь» получили призы и финансирование в Европе, в том числе и денежный приз на Петербургском кинофоруме. «Райский уголок» тоже получил два гранта. Без всей этой помощи я бы не смог продолжать заниматься кино. Надеюсь, однажды я смогу поделиться своими фильмами и с Китаем, по крайней мере, с теми, кто бы хотел их там увидеть. ■

Интервью: Денис Рузаев

ЛОЖЬ И ПРАВДА

«ПОЧЕМУ Я?» — КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА ПО РЕАЛЬНЫМ СОБЫТИЯМ, СНЯТАЯ РУМЫНСКИМ РЕЖИССЕРОМ ТУДОРОМ ДЖУРДЖУ, РАССКАЗЫВАЕТ О МОЛОДОМ ПРОКУРОРЕ, ПОКОНЧИВШЕМ С СОБОЙ В 2002-М ПРИ ТАИНСТВЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.

— Вас сразу заинтересовала история Кристиана Панаита?

— Как и всю Румынию! Первое время разговоров было много об этом, я следил за новостями, делал специальные вырезки — в общем, я уже тогда подумывал, что из истории Панаита может получиться кино. Впрочем, к каким-то действиям в направлении этого фильма я приступил только в 2008-м. Немногом ранее я ушел с государственного телеканала TVR, которым руководил пару лет, — и честно говоря, был так шокирован, возмущен этой телеисторией, что хотел каким-то образом снять кино про самого себя. Ну, то есть не буквально про себя — но про свой опыт, про отношения

личности и системы. Про то, что ты чувствуешь, когда выясняется: твоя выстраданная система ценностей никак не совпадает с той, которой руководствуются все во власти. Я не знал, как выразить эти чувства, — пока не вспомнил про судьбу Панаита, случайно наткнувшись на те самые вырезки.

— То есть вы увидели параллели с собственной биографией?

— Да, причем их оказалось даже больше — мы что-то выясняли в процессе работы над сценарием и поразились. Мы с Панаитом одного возраста, более-менее ходили в одни и те же места, оба болели за бухарестское

«Динамо». Выяснилось даже, что в 1990-х, когда Панаит учился в университете, то подрабатывал крупье в казино, я же тогда пытался снять студенческую документалку о жизни крупье в первых бухарестских казино — и только по стечению обстоятельств его не встретил. Ну и, конечно, драма, которую пережили многие молодые идеалисты в Румынии десять-пятнадцать-двадцать лет назад, — столкновение с невозможностью воплотить в жизнь твои идеалы, с коррупцией, с подавлением всех твоих принципов. Конечно, история Панаита была куда более трагичной, более сложной, но и более показательной.

— Сколько в фильме реальных фактов, а сколько вымысла?

— Нет, а сколько, что смогу разделить их сейчас. Вот в чем дело — у меня ушло несколько лет на изучение всех обстоятельств, разговоры со знакомыми Панаита, на то, чтобы разобраться в деталях центрального для судьбы прокурора дела. В какой-то момент я понял, что должен все бросить, что правда, факты мне уже не помогают, их стало слишком много. И, на самом деле, Панаит был

очень хорошим, я почти ничего плохого о нем не слышал, все вокруг им восхищались — но мне же хотелось снять фильм о человеке, у которого были слабости и уязвимые стороны, о человеке, потерпевшем поражение. Поэтому я поменял и имя героя — в фильме его зовут Кристиан Пандуру, я не хотел очернять его прототип.

НАВЕРНОЕ, Я НЕИСПРАВИМЫЙ ОПТИМИСТ

— От чего было сложнее всего отказаться?

— Сложнее всего, было, наверное, выделить в том массиве информации, который у нас сформировался, максимально простую историю. Получилось, только когда я понял, что «Почему я?» будет фильмом о человеке, который расследует громкое дело, получает противоречивый приказ от начальства, понимает, что тот идет против его принципов, и отказывается. Что с ним может случиться дальше? Собирая материал, я еще раз вспомнил, в какой стране мы жили в 2000-х — управляемой бывшими чиновниками спецслужб советских времен, прогнившей из-за коррупции.

Наверное, я неисправимый оптимист, но мне кажется, ситуация сейчас лучше, уже не так безнадежна.

— Вы не сталкивались с противодействием власти, снимая картину на такую болезненную тему?

— Нет, но по одной простой причине — мы снимали так осторожно, как могли, не делали никаких объявлений, не звали прессу на площадку. Держали рот на замке.

— Финальную, трагичную сцену вы снимали в той же квартире, где она и разворачивалась в реальной жизни.

— Да, это квартира тети Кристиана Панаита. Честно говоря, я не могу себе объяснить, почему мы пошли на это — или почему тетя Кристиана на это согласилась. Но это был мистический, очень сильный опыт. Вся съёмочная группа была растеряна. Эмилиан Опря, который играл Кристиана, и вовсе разрыдался. В этих стенах наш герой пережил кульминацию своей драмы, каждый угол там до сих пор хранит его память. А мы были там, чтобы в итоге солгать о нем, превратить его жизнь в прекрасную, но ложь кинематографа. ■

Интервью: Денис Рузаев

«ПРО ПИСАТЕЛЕЙ ЭТОТ ФИЛЬМ ГОВОРИТ ОЧЕНЬ МНОГОЕ»

ЕВГЕНИЙ КОРЯКОВСКИЙ О ФИЛЬМЕ «ЧИТАЙ, ЧИТАЙ»

— С чего для вас начался этот эксперимент? Каким был движущий импульс?

— Все началось с того, что я познакомился с однофамильцем — Ваней Коряковским. Мы тут же выяснили, что у нас обоих есть родственники в Вологодской области, в деревне Сергеево, — дальше раскопать не смогли, может быть, мы и дальние родственники на самом деле. Когда встречаешь человека с не самой популярной и такой же, как у тебя, фамилией, и более того, он тоже артист, то определенное сближение неизбежно. Я очень быстро познакомился не только с ним, но и со всем его актерским курсом из Ярославского театрального института — и мне хотелось что-то для них сделать,

рассказать, какие ужасы ожидают их в Москве, сделать что-то, чтобы они проснулись, очнулись. Поставить их перед зеркалом и ударить по башке, грубо говоря. Но если бы я сам стал их убеждать, стращать, стали бы они меня слушать?

Я, НАПРИМЕР, ГОВОРИЛ: «АНЯ, ТЫ СОВСЕМ НИЧЕГО НЕ ПИШЕШЬ О СВОЕЙ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ?» ОНА ОТВЕЧАЛА: «Я НЕ ХОЧУ, ПУСТЬ ПИСАТЕЛИ ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ О МОЕЙ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ»

Я задумался — к кому бы они могли прислушаться. К писателям. А у меня есть знакомые писатели, я к ним обратился — мне как раз очень помогли мои друзья, семейная

пара, Ольга Столповская и Леша Снегирев, которые подтянули своих друзей. Когда собралось пять-шесть человек, дальше было уже проще, и в итоге поучаствовали сорок писателей.

— Как вы работали с писателями? Много ли они знали о героях, для которых придумывали возможные будущие судьбы?

— Я попросил ребят написать о самых важных событиях в своей жизни. В основном, это были тексты длиной в шесть-семь страниц. Мы читали потом эти тексты, я пытался как-то влиять, например, говорил: «Аня, ты совсем ничего не пишешь о своей личной жизни?» Она отвечала: «Я не хочу, пусть писатели вообще ничего не знают о моей личной жизни». Но они были вольны, в общем, писать о себе все, что угодно.

— Тексты, написанные писателями для героев, вас удивили?

— Получилась полифоническая история — это же и про литературу тоже, и про поиск героя писателями, и про то, насколько вообще литераторы могут увидеть реального человека, пусть такого, провинциального, простого в каком-то смысле, чем они его наделят. Я был удивлен, конечно, текстами. Сначала мне

показалось, что ад разверзся — девяносто процентов писателей обрисовали катастрофическое, апокалиптическое будущее. Но и большой процент писателей угадал какие-то важные психологические характеристики наших героев.

— Получается, что ваш фильм — это фильм, где писатели рассказывают о себе?

— Про писателей фильм говорит очень многое. Я даже терялся, не понимая, про кого на самом деле получилась эта картина — про студентов или про литераторов. Получился любопытный срез умонастроения, может быть, и близких по духу авторов. Хотя некоторые все же выделяются. У нас есть пара драматургов, которые совсем по-своему подошли к задаче. Например, есть такой провокационный писатель, персонаж — Упырь Лихой, написавший один из самых прекрасных текстов. Только по нему одному можно было бы сделать фильм. Да, наверное, по каждому из текстов.

— Вы долго искали язык, форму для рассказа этих историй, для превращения их в кино?

— Да, более того, мне очень тяжело дался этот поиск — и приемы, которые мы выбрали для того, чтобы добиться

большого погружения в сознание, в самоощущение героев, задачу не облегчали. Много раз я останавливался, опускались руки, я думал, что всё, хватит, надо просто выпустить по итогам этого эксперимента книгу, зачем делать это кино? Книга была бы экспериментом в чистом виде — но, наверное, менее честным по отношению к героям, которые лишились бы права на артикуляцию. Возникли бы вопросы, кто эти люди, почему здесь их тексты о себе. Именно слезы, с которыми эти истории рассказываются, и делают их важными, живыми. Без них это были бы не всегда хорошо написанные, достаточно детские, почти школьные сочинения. При этом я, конечно, люблю всех этих персонажей — они совершили маленький человеческий подвиг. Степень их открытости, правда, была очень велика. Я понимал, что они все мне доверяют, — и не мог их подвести в чем-то. Так что высший суд для меня будет, когда они увидят «Читай, читай». ■

Интервью: Денис Рузаев

ВНИЗ С ОЛИМПА

РЕЖИССЕР КОНКУРСНОГО ФИЛЬМА «КОЗА» ИВАН ОСТРОХОВСКИЙ СНЯЛ ФИЛЬМ О СВОЕМ ДРУГЕ ПЕТЕРЕ «КОЗЕ» БАЛАЖЕ, БЫВШЕМ ОЛИМПЕЙСКОМ БОКСЕРЕ.

— В последнее время многие известные документалисты дебютировали в игровом кино. Вот и вы проделали тот же путь.

— Да, это правда — только у нас в Словакии игровые фильмы недавно сняли такие мастера документального кино, как Яро Войтек и Юрай Лехотски. Но, честно говоря, и в их документальных работах хватало постановочных элементов, так что я давно ждал, когда они отринут ограничения формата и перейдут к полностью игровому кино. Лехотски в этом смысле для всех нас стал примером, как в свое время «66 сезонов» Петера Керекеша: ему действительно удалось выйти на новый уровень.

— Вам самому легко дался этот переход?

— Очень тяжело на самом деле. Я раньше никогда не заболел на нервной почве во время работы, а вот на съемках «Козы» это случилось. Совсем другая работа, совсем другие органы чувств задействованы — хотя режиссерские приемы вроде бы те же. Но я многому научился. Когда я снимал документалки, то предпочитал оставаться незамеченным, не говорил, но наблюдал. В игровом кино так нельзя — нужно объяснять, чего ты хочешь, контролировать все, это большая ответственность, в том числе и финансовая. К счастью, я был окружен талантливыми и более опытными людьми.

— Что было такого в истории боксера Петера Балажа, что вы решили снять о нем кино?

— Это одна из самых душераздирающих историй о человеке, выброшенном на задворки жизни. Более того, она не уникальна — кроме Балажа, у нас снимается еще и призер Олимпиады-1980 Ян Франек, и его положение не менее отчаянно, чем у Петера. Самого Петера я знаю много лет и давно хотел сделать о нем кино. Не могу выделить какую-то одну тему в его судьбе — они все важны, а в его обстоятельствах может оказаться каждый. Вообще, какое депрессивное кино бы мы ни снимали, Европа вообще-то сейчас живет в лучшие времена — еще в прошлом столетии были Первая и Вторая мировые войны, фашизм, коммунизм, Великая депрессия... Мы всего этого избежали, хотя обычно и не ценим своей удачи. Все могло бы быть куда жестче — о чем я и хотел напомнить «Козой».

— Как вы поняли, что Балаж должен сыграть сам себя?

— Мы со сценаристом Марекком Лешаком попросту не могли представить в его роли ни одного словацкого актера. В фильме много непрофессиональных актеров, но никто из них, кроме

его девушки Мизы, не играет сам себя. Петер постепенно понял, что от него требуется. Конечно, как было бы с любым непрофессионалом, ему пришлось сначала тяжело. Мы постепенно делали его реплики проще и проще, а он в ответ постепенно освоился, привык к камере и начал играть. А вот Ян Франек, который играет его тренера, оказался прирожденным актером — он наполняет энергией, динамикой все сцены, в которых появляется.

СОВСЕМ ДРУГАЯ РАБОТА, СОВСЕМ ДРУГИЕ ОРГАНЫ ЧУВСТВ ЗАДЕЙСТВОВАНЫ

— Съемки в фильме помогли Петеру? Его положение стало лучше?

— Мы работали над картиной четыре года и все это время платили ему зарплату — что, конечно, позволило ему, по крайней мере, не думать о выживании эти годы, не обходиться одной пенсией по инвалидности. Но, наверное, важнее, что он увидел нечто новое, иные способы существования, переоценил себя и мир вокруг. Он мой друг, и, конечно, мы его и дальше не бросим. ■

Интервью: Денис Рузаев

КАКОЕ ДЕПРЕССИВНОЕ КИНО БЫ МЫ НИ СНИМАЛИ, ЕВРОПА ВООБЩЕ-ТО СЕЙЧАС ЖИВЕТ В ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА — ЕЩЕ В ПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ БЫЛИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ, ФАШИЗМ, КОММУНИЗМ, ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ... МЫ ВСЕГО ЭТОГО ИЗБЕЖАЛИ, ХОТЯ ОБЫЧНО И НЕ ЦЕНИМ СВОЕЙ УДАЧИ

РАСПИСАНИЕ НА 12 ИЮНЯ

ИВАНОВО

- 12:00** Ретроспектива Александра Сокурова «Интонация» / Лодзь, зал № 2
ИНТОНАЦИЯ. СЕРГЕЙ СЛОНИМСКИЙ / 16+
ИНТОНАЦИЯ. БОРИС АВЕРИН / 16+
- 12:00** Анимационная программа / Лодзь, зал № 3
«Банан и Ленин грызутся, но не могут жить без космоса» / 12+
- 12:00** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
КОЗА / 16+
- 13:30** Международный конкурс / Лодзь, зал № 2
ЧИТАЙ, ЧИТАЙ / 16+ / Представляет режиссер Евгений Коряковский
- 14:00** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
РАЙСКИЙ УГОЛОК / 16+ / Представляет режиссер Мяоянь Чжан
- 15:00** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 3
НА ДНЕ / 16+ / Представляют режиссер Владимир Котт
- 15:30** Программа короткометражного кино «Коротко и ясно» / Лодзь, зал № 2 / 18+ / Представляют студенты мастерской Джаника Файзиева
- 16:00** Международный конкурс / Лодзь, зал № 4
ПОЧЕМУ Я? / 16+ / Представляет режиссер Тудор Джорджу
- 17:30** Лекция куратора программы видеоарта от ММОМА Антонио Джеузы «История видеоарта — первые шаги» / #LOFTNIM
- 18:00** Программа документального кино «Зеркало „Артдокфеста“. Отражение» / Лодзь, зал № 2
ДЛИННОЕ. ЧЕРНОЕ. ОБЛАКО ОПУСКАЕТСЯ / 16+ / Представляет режиссер Александра Лихачева
ТАНЦОР / 16+ / Представляют режиссер Саломея Бауэр и оператор Никита Бабенко
- 18:30** Программа «Фассбиндер и его время» / Зал № 3
СВИНЦОВЫЕ ВРЕМЕНА / 16+
- 19:30** Программа российского кино «Свои» / Лодзь, зал № 4
ВЕЛКАМ ХОМ / 18+ / Представляют режиссер и продюсер Ангелина Никонова и актриса Ольга Дыховичная
Лекция от онлайн-киношколы *2morrow Film School*: «История создания драмеди „Велкам Хом“. Или как снять малобюджетный полнометражный фильм в Америке»
- 20:00** Программа документального кино «Зеркало „Артдокфеста“. Отражение» / Лодзь, зал № 2
ВОЛШЕБНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ / 16+ / Представляют режиссер Анна Булгакова и соавтор сценария Николай Вершинин
- 20:30** Программа видеоарта от ММОМА / Лодзь, зал № 3
Ретроспектива работ Виктора Алимпиева / 12+
- 21:30** Программа «Вечерняя эйфория» / Лодзь, зал № 2
В БЕЛОМ ПЛЕНУ / 12+

АНОНСЫ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ЕЛЕНА СЛАТИНОЙ «ЭТО — Я: ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ И ЕГО АВТОР» ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ЖУРНАЛА «СЕАНС»
В 12:00 в Плесе после показа программы короткометражного кино «Коротко и ясно» состоится круглый стол, организованный куратором программы Еленой Слатиной при поддержке журнала «Сеанс». Программа состоит из фильмов четырех российских киношкол, и каждая из них по-своему отвечает на вопрос: «Что такое быть режиссером-дебютантом сегодня?» В круглом столе примут участие режиссеры Владимир Грамматиков, Владимир Котт, Ангелина Никонова, Виталий Манский, Дмитрий Мамулия и молодые режиссеры.

МАСТЕР-КЛАСС АНГЕЛИНЫ НИКОНОВОЙ

12 июня в 19:30 в киноцентре «Лодзь» после показа фильма «Велкам Хом» состоится лекция «История создания драмеди „Велкам Хом“, или как снять малобюджетный полнометражный фильм в Америке». Ангелина Никонова расскажет, как происходили съемки фильма.

ЛЕКЦИЯ АНТОНИО ДЖЕУЗЫ «ИСТОРИЯ ВИДЕОАРТА — ПЕРВЫЕ ШАГИ»

Антонио Джеуза собирается проследить эволюцию видео как художественной практики с момента его рождения: «Если говорить о „технологической природе“, кино и видео — не родственники, несмотря на свои очевидные сходства, в то время как кино — прямой наследник фотографии, видео — это продукт эволюции аудиокассеты». На лекции будут показаны ключевые работы из истории мирового видеоарта.

СВОИ

ДОМ НА КРАЮ СВЕТА

КУРАТОР ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ ФИЛЬМОВ «СВОИ» ЕЛЕНА СЛАТИНА — О САМОМ ЗВЕЗДНОМ ФИЛЬМЕ, «НА ДНЕ» ВЛАДИМИРА КОТТА, И О САМОМ НЕЗАВИСИМОМ — «ВЕЛКАМ ХОМ» АНГЕЛИНЫ НИКОНОВОЙ.

Год литературы в России и тема литературы представлены в программе «Свои» пока незамеченной — и несправедливо незамеченной — работой «На дне» режиссера Владимира Котта. Это самый звездный фильм из всей программы: Михаил Ефремов, Агния Кузнецова, Сергей Сосновский, Олег Васильков, Евгения Добровольская, Борис Каморзин — множество чудеснейших

Кадр из фильма Владимира Котта «На дне»

артистов. Это современная интерпретация Горького — тот же сюжет, но действие перенесено в наши дни. Герои фильма ходят «на разбор» мусора, выискивая на свалке ценные металлы. Среди них в какой-то момент появляется Лука, как и у Горького, который пытается вернуть им веру в самих себя и вернуть к жизни. Но сама идея, что Лука будет ребенком, подростком, — это гениальная придумка Котта. В итоге на этом мальчике держится вся картина. Этот актер — 15-летний мальчик, который совершенно точно будет огромной звездой нашего кино. Он уже сыграл в «Призраке»

Кадр из фильма Ангелины Никоновой «Велкам Хом»

с Бондарчуком. Его зовут Семен Трескунов. Работа с детьми — это чудовищно неблагоприятная вещь, но он сыграл великолепно, это просто какой-то самородок.

Вторая картина, которую мы покажем сегодня, — «Велкам хом» Ангелины Никоновой. Вот образец самого настоящего независимого кино, не зависимо ни от кого и ни от чего — ни от денег, ни от правил, ни от взглядов. Фильм рассказывает очень интересные вещи про жизнь русских эмигрантов в Америке, в нем заняты совершенно неизвестные актеры. В каком-то смысле эти люди так же потеряны. На фестиваль едут Ангелина Никонова и актриса, соавтор сценария фильма Ольга Дыховичная. ■

КОЛОНКА КРИТИКА

АЛЕКСЕЙ АРТАМОНОВ — О СЕГОДНЯШНИХ ФИЛЬМАХ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Программа документального конкурса в этом году более чем разнообразна, в ней не найти двух схожих по форме картин. «Длинное. Черное. Облако опускается» Александры Лихачевой и вовсе можно принять на игровой фильм: лирическое роуд-муви, похожее на американское независимое кино. В противовес большей части российской документалистики, его герои — не люди в предельных обстоятельствах, а скорее персонажи без свойств. Два приятеля неопределенного рода занятий и без особой мотивации решают отправиться из Москвы в Сочи, на Олимпиаду — не от большого патриотизма, а просто так, примагнитенные большим событием. Зрителю легко увидеть в них свое размытое отражение. На Олимпиаду, кстати сказать, они так и не попадут, испугавшись многочасовой очереди за паспортами болельщиков. Вместо этого бесформенные герои нашего времени столкнутся с тревожно сгущающейся пустотой морского ландшафта. Эта пустота и есть главный предмет фильма, эхом отдающийся в каждой бессодержательной фразе и в каждом необязательном действии. Другой пример нетипичной для наших широт неигровой картины — «Волшебный комсомолец» Анны Булгаковой. Это рассказ об актере Дмитрие Косновском, воплощавшем в начале 1930-х образ героя-романтика на советском экране и особенно в театре; он должен был играть «строгую юношу» в знаменитом фильме Абрама Роома, но был репрессирован, как позже и сама эта лента. Картина выстроена как документальное расследование, в котором автор сценария, выступающий в качестве протагониста, пытается разобраться в судьбе своего предка, рано прервавшейся в периметре Ухтинско-Печорского лагеря. Больше всего здесь впечатляет работа с материалами архивной хроники, из которых фильм в основном и состоит. Они иллюстрируют уникальный по своей интенсивности исторический и художественный контекст очередной истории столкновения свободного духа с молохом тоталитаризма. На сегодняшний момент это единственный полнометражный фильм, выпущенный фондом Александра Сокурова «Пример интонации». ■

#tarkovskiyfest